

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

№ 1 (15) 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

ООО Научно-издательский центр
«Социосфера»

Главный редактор –

Анна Сергеевна Коржавина,
e-mail: askorgav@mail.ru

Редакционная коллегия

Литературный редактор –

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна
Дорошина), e-mail: lidiy2305@mail.ru,
редактор –

Марина Владимировна Герасимова,
e-mail: cubernihellady@inbox.ru,

технический редактор –

Нина Александровна Шеменкова,
e-mail: n02011952a@mail.ru

специалист по связям с общественно-
стью – Игорь Владимирович Табаков,
e-mail: igor.tabakov65@mail.ru

секретарь – Нина Викторовна Стёпочкина,
e-mail: ninavs@mail.ru

Художник Ольга Кузьмина

Авторы несут ответственность за до-
стоверность приводимых в публика-
циях фактов, цифр, цитат, статисти-
ческих данных, имён собственных и
прочих сведений. Мнения, выражен-
ные в данном издании, являются ав-
торскими и не обязательно отражают
мнение редакции журнала.

Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 28.12.2022. Фор-
мат 60x84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 5,3. Тираж 200 экз.

ООО Научно-издательский центр
«Социосфера»

440026, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 35

Тел. (8412)21-68-14

веб-сайт: <http://sociosphere.com>,

e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004,
г. Саратов, ул. им. Н. Г. Чернышев-
ского, д. 88, литера У.
Тел. (8452)24-85-33

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Марина Герасимова. Неудобное слово3

Галина Стеценко. Всегда рядом4

Ольга Корчагина. Комедии и драмы Театрального проезда9

ПОЭЗИЯ

Елена Далматова. Всё повторится. Попытка ромansa 11

Одна..... 12

Прохожий 12

«А осенью бывает иногда...» 13

Всё повторится 13

Анатолий Арестов. Ветер сбегает с крыш. 1380 14

Агроном 17

Ночь уходящая 17

Форс-мажор 18

Олег Карев. Глубинка. Я люблю эту землю..... 19

Степная Русь..... 20

Жизнь..... 21

Глубинка 22

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

Любовь Федянина. «Я быстро на лодочке времени мчалась...»..... 23

Александр Меледин. «Мир, в который играли...» 24

Анна Акчурина. Миссия 25

Дмитрий Шиллов. На току..... 25

Анастасия Митрофанова. «Включаю музыку в темноте...» 26

Александр Забродин. Художник 27

Станислав Колчин. До встречи в Гиперборее 27

Александр Чернюк. Свет колдовской 28

Татьяна Кит. Пионеры 28

Алексей Патшин (А. Белогвардеец). Русь 29

ПУБЛИЦИСТИКА

Антон Хрулёв. Ещё раз о русофобии 30

Наши герои 32

КРАЕВЕДЕНИЕ

Наталья Каресли. Посвящены внучке 34

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Аругюнов. Полезный разговор 37

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Нина Шеменкова. Вспомним добрым словом
(о писателе Викторе Сазыкине) 43

ЮМОР

Александр Зверовщиков. Точка зрения 49

Принцесса 49

Точка зрения 50

Подход 50

Совет опытного человека 50

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Надежда Винокурова. Витёк, курятник и любовь 51

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Ксения Зоткина. Лисёнок 53

Татьяна Умрихина. Скворцы и люди..... 54

СОБЫТИЯ. ДАТЫ..... 56

ПРОЗА

Марина Герасимова

Марина Владимировна Герасимова родилась 7 ноября 1985 года в г. Каменка Пензенской области.

Окончила факультет русского языка и литературы ПГПУ им. В. Г. Белинского.

Автор трёх поэтических сборников. Публиковалась в журналах «Сура», «Студенческий меридиан», «Edita», «Вокзал», «Подъём» и др., а также в различных сборниках и альманахах.

Победительница IV Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри», лауреат Всероссийской премии им М. Ю. Лермонтова и губернаторской премии. Редактор журнала «Четверговая соль», член редсовета альманаха «Рой». Участница литобъединения «Риф». Член Союза писателей России.

Неудобное слово

Когда я была кнопкой, мне нравилось дружить с девочками постарше – такими красивыми, и такими умными, не то, что мелюзга с карамелькой за щекой. Полагаю, старшие подруги не всегда были рады моей мелкой компании: смотрит на них некто со щенячьим обожанием, а потом заставляет рисовать бумажных кукол и одёжки на них. А у девочек были уже совсем другие интересы!

Как-то зимним вечером мы собрались в подъезде у одной из подруг, и не пойми с чего стали играть в испорченный телефон. Суть игры предельно проста – кто-то один загадывает слово и говорит на ухо следующему и так по цепочке. В конце концов, последний сообщает слово первому, и далеко не всегда эти слова совпадают, часто получалось довольно смешно. На этот раз я оказалась второй в цепочке, и услышала от ведущей длинное и совершенно незнакомое слово на букву П. Я переспросила, но легче не стало.

– А что это значит? – не унималась я, но получила в ответ лишь хитрое хихиканье:

– Это очень плохое слово, не говори его взрослым.

Я как могла добросовестно воспроизвела трудно запоминаемое и ещё более трудно произносимое слово, и в итоге в конце цепочки получилось загадочное слово «репрезентатив» или что-то подобное. Все, кроме меня, очень веселились.

Я, не будь душой, пришла домой и начала пытаться родителей вопросами, а что же такое загадочный «репрезентатив» и что в нём такого плохого и одновременно смешного. Интернетика-то тогда ещё не изобрели.

Ответная реакция меня ошеломила не меньше, чем родителей мои вопросы. Мне устроили буквально допрос с пристрастием, где и при каких обстоятельствах я пополнила свой лексикон. А затем от мамы последовала скучная анатомическая лекция о том, откуда берутся дети. Кажется, даже рисовались иллюстрации, как в учебнике. Понятное дело, что ни дети, ни процесс их производства не вызвали у меня огромного восторга. И слово-то, как я поняла из вышеизложенного, совсем не ругательное и не смешное, а скорее функционально полезно. «Скука какая и глупости», – подумалось. Но тему открытой оставлять не хотелось.

– Мам, а зачем люди вообще этим занимаются? Зачем нужны дети?

– Ну, потому что люди любят друг друга, – ответ был примерно таков.

– Ерунда какая, ну вот мы любим друг друга, но мы же не будем делать детей!

Не найдя в этой теме ценности и интереса, я надолго сочла старших подруг подлыми и недалёкими. И отправилась заниматься важным делом – кормить на балконе рубленым яйцом грачонка с перебитым крылом. Нельзя же оставлять на земле – кошки съедят!

Галина Стеценко

Галина Стеценко родилась и выросла в Донецкой области. Более 30 лет прожила в Пензе, работала в Пензенском отделении Куйбышевской ж/д.

Автор 7 книг. Публиковалась во многих российских журналах, альманахах и сборниках. Лауреат нескольких международных литературных конкурсов. Член Союза писателей России. Участник ЛИТО «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России. Член творческого объединения детских авторов России. Живёт в Москве.

Всегда рядом

Чего она боялась, то и произошло. Боялась, что с приходом в их диспансер нового главврача жизнь разделится на две половинки. Сейчас она вся в этих стенах: и работа, и семья в привычном ритме. Работа никогда её

не радовала, а за многие годы даже опостылела. Жалко несчастных нервно-психических больных, сердце разрывается на части от невозможности вылечить их. Все дни здесь одинаковы – моросят, моросят неприятным дождём, сливаясь в огромную лужу. Годы, десятилетия – стоячая вода. И вспоминаются как один бесконечно нудный день.

Ни минуты б не задержалась здесь, если б не палата без номера. Она в ответе за её обитателя. Раньше коллеги интересовались, кто он. Родственник? Знакомый? Почему так привязана к этой палате? Отвечала, что приятельница просила присмотреть за больным – сама не может его навещать. Потом все привыкли и уже не спрашивали. В эту палату она забегала по несколько раз в день, чтобы обнять, подержать его руку, посидеть рядом. Помолчать – разговоры не клеились. О чём говорить? Об одном и том же. Как спалось? Сыт ли?

Новый главврач не сразу начал преобразования. Собрал, как положено, коллектив, стал персонально присматриваться к каждому.

Вызвал её в кабинет и напрямую выложил:

– Пора вам, уважаемая Елизавета Петровна, на заслуженный отдых. Мы ценим ваш многолетний труд на одном месте на благо психиатрии, но надо понимать, что пора.

У неё всё внутри оцепенело, язык стал тяжёлым.

– Да я ещё могу... – только и смогла выговорить.

Он равнодушно смотрел на её пожелтевшее лицо, на абсолютно седую голову – ни один волосок не выдавал былого цвета.

– Давайте откровенно. Вы врач высокой квалификации, никто с этим не спорит. Вы многое можете. Но не так, как это делает полный сил молодой энергичный врач, согласитесь. Вы и дела ведёте по старинке, всё на бумажках пишете, в компьютер не вводите информацию. Ну, кто сейчас так работает? Пора, Елизавета Петровна, пора. До конца недели работайте, а потом дела новому врачу передадите...

Елизавета Петровна, опустив голову, смотрела на свои растоптанные туфли и не могла сдвинуться с места.

Главврач заметил её замешательство и подбодрил:

– Проводим вас, как положено, с букетом цветов, благодарственным письмом, подарком...

Выйдя в коридор, Елизавета Петровна присела на диван. Плотнo сожмула губы и веки, сдерживая слёзы. Кровь в жилах, казалось, застыла, отёкшие ноги стали, как цементные, и не слушались.

Немного посидев и придя в себя, она побрела по длинному, давно не крашеному коридору, перекачиваясь на отёкших, как две тумбы, ногах, в палату без номера. Не замечала ни залатанного линолеума с потёртым ромбическим рисунком, ни медработников, ни обиженных судьбой пациентов.

На кровати в серой больничной рубашке, запрокинув голову с небольшими залысинами, сидел немолодой мужчина. По широкому лбу, чуть выше соединённых на переносице густых бровей, пролегли три глубокие морщины. Он смотрел в прямоугольник окна – на паутину голых веток берёзы или просто вдаль и не повернулся, не выразил никаких эмоций.

– Андрюша... – горло Елизавета Петровны сжал спазм. Кинулась к нему, крепко обняла и всё гладила его по голове, по щекам, обсыпая щеками ничего не выражавшее лицо.

– Что? – спросил он, осознав, что она хочет что-то сказать.

– Меня увольняют...

– А я?

– Надо что-то придумать...

– Что? – безнадежно спросил он.

– Я буду думать, буду...

– Что здесь можно придумать? За годы моей болезни ты в историю столько всего напихала...

– Я подумаю, я подумаю... – она поднялась и направилась к выходу.

На коротком пути от его кровати до двери Елизавете Петровне казалось единственно правильным и реально выполнимым решением избавиться от истории болезни. Пусть папка потеряется и никогда не найдётся. Хорошо, что нет никаких записей в компьютере, а всё на бумаге.

Войдя в свой кабинет, достала из кармана ключик, открыла шкаф, сняла с полки толстую папку. Чего только в ней нет! Назначения одни, другие... сама назначала и контролировала, чтобы он прятал таблетки, а не выбрасывал в урну, чтобы ни одна медсестра не увидела...

Вдруг дверь кабинета резко распахнулась. Елизавета Петровна вздрогнула от неожиданности. Перед ней стоял главврач и, вероятно, замечена – молодая докторша в голубом брючном костюме.

– Вот, знакомьтесь, Елизавета Петровна... И оставьте всё, как есть. Если вопросы возникнут, к Вам обратятся, – донесли слова главврача.

Преемница захлопнула мешавшую ей пройти к столу приоткрытую створку шкафа, выдернула ключик из ладони Елизаветы Петровны и вслед за главврачом вышла из кабинета.

Последние дни перед увольнением Елизавета Петровна места себе не находила. Как жить вдали от Андрюши? Вся жизнь её проходила рядом с ним. Она часто оставалась ночевать в диспансере, даже когда этого не требовалось по работе. А дома? У неё там нет ни родных, ни друзей, а главное – там нет Андрюши.

Что делать? Признаться, как он сюда попал? Поверят ли? А если поверят, вдруг отдадут под суд? Бывший главврач помогал, поддерживал, понимал...

Ему она доверила свою тайну, и он помог осуществить план спасения Андрюши, выделил для него отдельную палату. После него был другой главврач – тот ничего и никого вокруг не видел, и Елизавета Петровна продолжала жить спокойно.

Последний рабочий день. Елизавета Петровна, через силу переставляя ноги, шла в палату без номера. В коридоре пахло щами.

Андрюша уже вернулся с обеда и сидел, как всегда, глядя в окно.

– Андрюшенька, я хотела твою историю болезни... Не вышло...

Он безразлично глянул на неё полуоткрытыми глазами выпцветшего голубого цвета.

– Не знаю, хочу ли я теперь туда или нет. Когда-то хотел – помнишь?

– Да, но... Тогда... перестройка всю страну крушила, у людей деньги отнимала... и мы остались без копейки... Ты представить себе не можешь, как выживали там, за забором диспансера... А здесь ты отдыхал, накормлен и комнату тебе отдельную предоставили, с холодильником. Шкаф с книгами... А дома мы бы до сих пор кантовались в однокомнатной квартире...

Он молчал. Уже не раз слышал, что она всё делала для его блага с самого детства.

– Я буду думать, как тебя отсюда вытащить... – Елизавета Петровна хотела, чтобы он поверил, хотя сама не знала, как это осуществить.

– Скоро меня переведут в общую палату, к придуркам.

– Я приложу все усилия, чтобы тебя отпустили.

– Кто меня отпустит?! Столько лет считали неизлечимо больным – и вдруг я стану здоров? Помнишь, я просил отпустить меня, ведь я был абсолютно здоров? Так ты сама диагностировала у меня обострение! – последнюю фразу он выкрикнул.

Дверь распахнула медсестра:

– Укол сделать?

– Нет, не надо.

Дверь захлопнулась. Он продолжил, сбавив тон:

– Сейчас мне зачем на волю? Я разучился есть вилкой и резать хлеб ножом – их здесь не дают. И кто меня там ждёт? Ни жены, ни детей. Одноклассники и соседи не узнают. Да и я никого и ничего не помню. Ты всегда знала, чего я хочу, как мне лучше... Если меня о чём-то спрашивали, то отвечала ты. Я был чересчур послушным ребёнком. Но я хорошо помню тот ужасный день. Я со сковородой в руке... твой истерический крик... ошеломлённые глаза соседней... менты... скорая помощь... Я постоянно чувствую в руке ручку сковороды... Ты дала её, а я послушно держал. Когда меня забирали, я опешил, не понимал, что меня ожидает...

– Сынок, ты же знаешь, я боялась отпустить тебя в армию. А тебе присылали повестки, одну за другой. Вдруг отправили бы тебя куда-нибудь в горячую точку?

– Да ты меня не отпускала даже с мальчишками во дворе играть. И на дискотеку...

– Боялась я, сынок...

– И ты отправила меня сюда на пожизненный срок.

– Но это же не тюрьма! Живёшь, как король, ухаживают за тобой: кормят, обстирывают, в комнате убирают... Я спасала тебя! В нашем роду мужчин берегут. Твоя бабка во время войны мужа в погребе прятала.

– Он и умер в погребе...

– Умер, потому что заболел тогда.

– Если бы не заболел тогда, то умер бы там потом.

– Сынок... – Елизавета Петровна попыталась погладить сына по голове, но тот отдёргнулся:

– Хватит, хватит, – сказал сухо, отстраняя её.

Он давно не называл её мамой – так договорились с целью конспирации. Фамилии у них были разные – отец оставил свою в наследство. Сам ушёл в другую семью и никогда не появлялся.

– Уходи уже.

Она попятилась к двери:

– Я приходить к тебе буду... курочку приносить твою любимую... и шоколадки...

Домой Елизавета Петровна вернулась с поникшим букетом роз, благодарственным письмом и чайным сервизом в упаковке. Поставила на стол две чайные пары, для себя и Андрюши. Она с детства его оберегала. Нависала над песочницей, следила, чтобы никто из детей не отнимал у него игрушки. Ежедневно выясняла, не обижал ли его кто-нибудь из ребят в детском саду и в школе. С его взрослением становилось ещё страшнее: как отпустить его в сети к своевольной подруге, жене и, куда ужаснее, в армию?!

Как теперь жить, не видя его? Надо будет навещать его каждый день. Только бы не подвели больные ноги...

Елизавета Петровна сходила в магазин за продуктами. Ей вдруг прикинулось, что Андрюша сидит за столом и с аппетитом уплетает приправленную специями курицу. Потом исчез. Ей стало невыносимо тоскливо: она здесь, а он там, за толстыми стенами из красного кирпича, обнесёнными забором и лесом, ест мерзкий супчик и котлеты из хлеба... Как его оттуда забрать? Мысли роились и больно жалили. От них укрывалась ночью с головой одеялом и просыпалась в поту. Где её мальчик? Тишина кричала его голосом, пустота заполнялась его силуэтами...

Утром она обнаружила: сырая курица, которую она забыла положить в холодильник, издавала зловоние... Но пора ехать к Андрюше. Охваченная радостью скорой встречи, Елизавета Петровна идёт в магазин. В отделе для малышей покупает матросский костюмчик – нарядит своего сыноч-

ка. Вон он – бежит по длинному коридору в сандаликах, падает, поднимается и плачет...

Сегодня, сейчас... она поедет к нему, скоро...

Ольга Корчагина

Ольга Васильевна Корчагина родилась 11 июня 1950 г. в Казани. Окончила Пензенский политехнический институт по специальности инженер-конструктор. Печаталась в альманахах «Четверги», «Литературная Канада», в книге «Праздники и памятные даты земли Пензенской» и др. Участница литературного клуба «Я сень».

Комедии и драмы театрального проезда

Есть у меня в Пензе любимое место – Театральный проезд. Люблю я на этой тенистой улочке в солнечный денёк посидеть на резной лавочке. Сколько вокруг цветов на ухоженных клумбах! Рядом – киоск со свежей выпечкой, запах которой наполняет весь проезд. Не удержишься и купишь любимую булочку и кофе. Вкуснотища! Вместе с местными голубями и отобедаешь. Сидишь и любишься на родной город, на празднично одетых горожан, гуляющих возле театра и, кажется, что нет в мире горя и нет плохих людей.

Но сегодня, в холодный ноябрьский вечер, мне вспоминается это место совсем по другому поводу.

Тот осенний день был таким же пасмурным и ветреным. Сама природа не советовала мне выходить без нужды на улицу, но я пошла, пошла на зов умелой рекламы о чудодейственном наборе кремов с уникальными травами для омоложения кожи. Офис продажи этой косметики находился на Театральном проезде.

– Здравствуйте. Мы рады Вас видеть, давайте я помогу Вам раздеться, присаживайтесь за столик. Чай? Кофе? Сейчас придёт косметолог.

Мне стало неловко от такого внимания со стороны красивого кареглазого мужчины, который мило улыбался и, как мне казалось, не сводил с меня глаз. По моей просьбе он принёс чай в изысканной фарфоровой чашке. Среди букетов цветов, расставленных в комнате, и какой-то приятной

ненавязчивой музыки мне было хорошо, как никогда, а после ароматного чая стало клонить в сон...

Речь девушки косметолога была похожа на тихий ручеёк. Запомнились фразы: «Вы ещё такая молодая! Вы достойны этого. Ваша кожа засияет».

Не привыкшая к лёгкой и красивой жизни, я балдела.

Цена косметики в 80 тысяч меня не смутила, ведь сразу оформлялся кредит. Я подписала договоры, только бегло пробежав по ним глазами.

Ночью спала, как убитая, во сне я танцевала с тем кареглазым мужчиной. Как он мне улыбался! Но утром пришло прозрение. Я внимательно прочитала документы, кредит был оформлен на грабительских условиях. Какие 80 тысяч?! С моей зарплатой, без малейшей помощи, я не смогу их выплатить за указанный срок! Мне было страшно не столько за себя, сколько за детей. Как я могла допустить эту обдираловку! У меня сейчас денег – только на проезд и на хлеб!

К вечеру, когда немного спало высокое давление, я пошла в ломбард, чтоб заложить единственное золотое кольцо. По воле случая, он находился всё в том же Театральном проезде.

Уже смеркалось. Резкий холодный ветер с мокрым снегом били в лицо, вода на асфальте превратилась в одну сплошную лужу. Холодно, скользко, обидно.

У стены ломбарда я чуть не наступила на небольшую картонную коробку, на дне её звякнули мелкие деньги. Только потом я заметила нищенку в грязном ватнике, с лицом высохшей мумии. Как можно сидеть в такой холод на картонке! Что-то странное было в её облике. Боже! Да она же совсем без ног! Обрубок! Я нащупала в кармане последние деньги и положила в коробку. Из рукава телогрейки появилась тёмная худая рука и собрала мелочь.

– Храни Вас Господь.

Голос был низким, скрипучим. Трудно было понять, кто говорил – женщина или мужчина.

Раньше я не обращала внимания на нищих, но сегодняшний случай потряс меня. Сколько осталось жить этому обречённому существу? Испытывает ли эта нищенка хоть малейшую радость?

Я получила деньги за кольцо и внесла первый взнос за свою глупость. Проходя опять мимо несчастной, положила в коробку 20 рублей. У меня ещё остались деньги на следующий взнос и на продукты. И я успокоилась.

Как ни странно, но эта безногая женщина потом помогала мне выжить. Каждый раз, когда от проблем опускались руки, передо мной вставал жалкий живой комочек, воюющий со смертью.

Поэзия

Елена Далматова

Елена Юрьевна Далматова родилась в 1958 г. в Пензе. Окончила историко-филологический факультет и спец. факультет психологии ПГПИ им. В. Г. Белинского. Педагог-психолог.

Печаталась в газете «Молодой ленинец», журнале «Сура», коллективных сборниках.

Участница литературного клуба «Я сень».

Всё повторится

Попытка романса

«Ах, как легко упасть, раскинув руки»,
На мягкий шёлк зелёного ковра.
Уходит боль обиды и разлуки,
Ведь всё, что было – было, но вчера.

Я отпущу несбывшиеся грёзы –
Пусть их хранит вечерняя звезда.
Смахну с лица непрошенные слёзы
И не пойду дорогой в никуда.

За лёгкой дымкой белого тумана
Забрезжит утро завтрашнего дня.
С рассветом вместе встану рано-рано,
Чтоб не забыло счастье про меня.

Одна

Суетливое утро вокзала,
В спешке поднятый ворот пальто...
На прощанье я что-то сказала,
Даже если сказала не то.

Промелькнут за окошком вагона
Переезды, машины, дома...
Жизнь вопросы подбросила снова,
Но ответы найду я сама.

Лёгкой дымкой спускается вечер.
Гаснут краски. На небе луна...
Этот мир беспределен и вечен,
Даже если ты в мире одна.

Прохожий

Постучится в дверь к кому-то прохожий –
Он устал плутать в ночи без просвета –
Неприкаянность внутри и, похоже,
Он не хочет дожидаться рассвета.

Погрузившись в океан мрака
И блуждая среди теней чёрных,
Он кричал, срывая голос от страха,
Посылая этот мир к чёрту.

Дверь ему, конечно, кто-то откроет –
Будет в комнате тепло, и уютно.
Ночевать его в том доме пристроят,
А, быть может, и сыграют на лютне.

Только будет он стонать и метаться,
Сам запутавшись, где быль, а где небыль,
И не сможет с прежним миром расстаться,
Если так и не посмотрит на небо.

* * *

А осенью бывает иногда
Так тихо, так прозрачно невесомо,
И память возвращает тебе снова
В небытие ушедшие года.

Тот детский мир – наивный и простой,
Где всё понятно, где не видишь злого,
Где, если обещают, держат слово
И не пускают подлость на постой.

И в прятки не играют там с судьбой.
Там говорят всё искренне и прямо.
А будет больно – пожалеет мама,
И светлый мир опять живёт с тобой.

О будущем подумаю потом.
Сейчас лишь вижу, как в осенней ряби
Опять бежит моя собака Габби
За падающим с дерева листом.

Всё повторится

Всё повторится снова: и весна,
И синева распахнутого неба,
И чёрные проталины среди снега,
Ещё не отошедшие от сна.

И завыванье мартовских котов,
И свист синиц, что радуются солнцу,
Распахнутые в горнице оконца
И сочиненье о весне стихов.

Но этот мир по-прежнему любя,
Вдруг сознаю под тонкий звон капли,
Что в эту жизнь мы вместе не успели.
Всё повторится... Только без тебя.

Анатолий Арестов

Анатолий Владимирович Арестов родился в 1985 году в г. Рубцовске Алтайского края. Учился на агрономическом факультете Пензенской ГСХА.

Автор книги в двух частях «В потоке поэзии». Публиковался во многих журналах России, «Литературной газете».

Ветер сбегает с крыши

1380

Ратный бой в долине смерти
Долог был, кровав и зол...
Верьте, люди, иль не верьте,
С войском князь Донской пошёл

Преднамеренно в пучину
Золотой Орды гнилой
Зарубить змею-причину
Иль повергнуть зло стрелой...

Сколько можно Русь святую
Бить наотмашь по лицу –
Колокольную, литую
Землю нашу подлецу,

Заклеймённому шакалу,
Что зовётся впредь Мамай?
За Авдотью и за Галу
Мы ответим: «Умирай!»

Иль уйди с землицы нашей,
Не гневи своих божков,
Хан угрюмых. Мажешь сажей
Белый стан церковей. Дружков

Из Орды бери с собою,
Иль падут они в овраг
Мертвечиной! Значит, бою
Быть сегодня, кровный враг...».

Пил Мамай из чаши воду
Да смеялся, поносил
Русский дух. «Не дам свободы!
На коленях чтоб просил,

Умолял дарить пощаду
Князь людишек. Русский сор
Я смету легко и сяду
Сверху трупов, кинув взор

Вдаль на грады, где вороны
Доклюют до крови плоть...
Дальше – запад! Бить баронов,
Беспощадно их колоть...» –

Рассуждал Мамай гневливо,
Воду с чаши золотой
Попивая... Плачет ива,
Окружённая Ордой

Над рекой в степи привольной.
Опорочена вдова
Безутешная. Ей больно,
Больно ей. Шумит вода

В глотке проклятой Мамае...
Где вы, родные? Вы где?
Вы несётесь, пыль сметая?
Припустите! Конь в узде,

Разъярён и ждёт сраженья!
Степь дрожит, вкушая страх
Иноземцев. Страх крушенья!
Люб степи солёный прах

Ненавистников поганых...
Куликово. Ясный день.
Князь. Дружина. Войско хана.
Лик Христа бросает тень,

Словно царствие немое,
Занебесное в рядах
Наших войск. Молитва смоеет
Грех, как яблони в садах

Омывает дождь весенний,
Пробуждая сочный цвет,
Нерушимый, не последний,
Незабвенный... Бой!!! Завет

Ветхий, Новый лился с неба,
Православным свет сиял.
Степь ждала посева хлеба,
Что вражина силой взял!

Мать-природа билась в муках,
Порождая снова Русь.
Не нуждалась в мерзких духах,
Истуканах наша Русь...

Грязный бой, кровавы раны.
Плачет степь, рыдает мать.
Утром лягут вновь туманы –
Павших в поле отпевать.

Затоскуют о погибших
Травы стоптанной степи:
«Нет героев прошлых, бывших...
Мать, он воин! Ты... терпи!».

Куликово... Ветер воеет,
Небо льёт всевышний свет.
Лишь кузнечик тихо вторит:
«Нет их, братцы, больше нет...».

Агроном

Закончив аграрный, работал в селе
простым агрономом на поле.
Пришла посевная. На мудром челе
заботы морщиной на волю

уже пробивались. Безумные дни!
Устроить бы всё по науке!
Нашлись трактористы – герои они –
у каждого золото – руки.

Работой довольны. Гудят трактора,
проверены вновь агрегаты.
– Скажи, агроном, может, сеять пора?
– Начнём послезавтра, ребята!

Сцепка из сеялок красным пятном,
синие в ряд «Беларуси».
Здесь ты не скажешь: «Давайте потом!».
Здесь мужики, а не трусы!

Ветра затишье, но солнце лучи
бросило вниз, обжигая,
пыль за клубилась, всё будто в ночи,
с края степи и до края!

... Смотрит на поле седой агроном –
вспомнил студенчества годы,
сеялки старые красным пятном.
– Было когда-то работы!

Ночь уходящая

Небо искрилось. Ночь догорала
в огненном шлейфе рождённого дня.
Светом с востока её покарало.
Ночь догорала. С утра колготня

между деревьев в туманных посадках,
перья летают – проснулись грачи
и на работу в поля без порядка
стаей слетают. Как дым из печи,

вьются клубами, чернея черняво,
влево и вправо, порой вразнобой.
Криком исходят, горланя: «Канава!».
Стрелами канули вниз – водопой.

Ночь догорела на западном фронте,
тёмным касанием тронув овраг
в самой низине: «Простите, позвольте
в сырость оврага разбавленный мрак,

словно пижаму закинуть ночную?
Позже вернусь я за нею, пока
день наступает. Его не волную.
Гонит меня, проминая бока

солнечным светом, теплом убежденья.
В дальние дали заставил идти...».
С ней соглашаясь, кивали растенья,
грач, растерявшись, горланил: «Лети!».

Форс-мажор

Ветер сбегает с крыш,
пылью туманит взор.
В норке холодной мышь
прячет какой-то сор.

Нужный, но только ей.
Важный, но для неё.
Ветер, сильнее вей!
Ветер, суши сырьё!

Высохнет вмиг зерно –
станет полно еды.
В норке, где мышь, темно,
в норке полно воды.

Ветер, сбегая с крыш,
пылью туманил взор,
ливень беднягу-мышь
выгнал в широкий двор.

Дома у мышки нет
и под водой зерно –
вот форс-мажорный след
без оговорки «но...».

Олег Карев

Олег Николаевич Карев родился в 1973 году в с. Клеймёновка Каменского района Пензенской области.

Имеет несколько рабочих профессий. Инвалид по зрению.

Печатался в звуковом журнале «Сура», в альманахах «Поэт года, 2017» «Дебют, 2017», «Четверги».

Участник литературного клуба «Я сень».

Глубинка

Я люблю эту землю!

Я люблю эту землю,
Что Богом дана!
Я ей кланяюсь земно
За щедрость сполна.

Я люблю её небо
Над сводом святынь,
Запах чёрного хлеба,
И как пахнет полынь...

Я люблю её женщин
В убранстве простом,
Я душой с ними венчан
И сердцем крещён.

Я люблю гомон поля,
В работу гуртом,
Капли свежего пота,
Со лба – кулаком.

Я люблю в русской бане
На камни – кваском.
В обдающем дурмане
Вкус мяты с медком.

Я люблю, когда кони
В зарю – табуном
Мчатся символом воли,
Гармонь, самогон,

А ещё летний луг,
Где по пояс роса,
Задухновенность подруг,
Голубые глаза.

И без этой любви
Не прожить мне и дня,
Потому что в крови
Это всё у меня!

Степная Русь

А в сердце вновь бушуют страсти
И рвётся в высь души струна.
Немного надо мне для счастья,
Лишь только б знать – жива она.

Моё глубиннейшее счастье,
Моя окольчатая Русь,
Куда во дни души ненастья,
Я словно в Храм Святой стремлюсь.

Где сбросив гнёт мирских несчастий,
В лугах цветущих заблужусь,
И став родной землицы частью,
Желанной волей надышусь.

И в той глуши, что сердцу раем,
Я на колени опущусь,
На красоту степи взирая,
За эти земли помолюсь.

Ты жизнь моя, моя, глубинка,
Души ковчег и сердца грусть.
В глазах застывшая картинка,
Закат, село, степная Русь.

Жизнь

Жизнь уместится в строчки,
Что годами писал.
Буквы – это денёчки.
Их в слова собирал.
И, сплетая в цепочки,
Повесть Лет создавал,
А, порой, после точки
Снова всё начинал.

А жизнь идёт,
А жизнь ломает, лечит,
Бросает в омут,
Жизнь, порою, гнёт.
Нас жизнь целует,
Иногда калечит
И, чтобы не случись,
Она дойдёт.

И останутся строчки,
Наших судеб печать,
Но не всё после «точки»
Можно будет понять.
Разглядеть между строчек
Порывы, любовь
И сухие росточки
Не вписанных слов.

А жизнь идёт,
А жизнь ломает, лечит,
Бросает в омут,
Жизнь, порою, гнёт.
Нас жизнь целует,
Иногда калечит
И, как ты не держись,
Она пройдёт...

Глубинка

Дым в небо из трубы всё выше.
Янтарней золота восход,
Морозный воздух слаще, чище.
Крещенских рать Россию жмёт.
О. К.

В лазурь небесную вливаясь,
Ввысь поднимаются дымки,
Белёсым инеем ссыпаясь,
Крестьянской доли ручейки.

И тишина... Где оглушает
Скрипящий свежестью снежок.
Да глупый хай, что поднимает
Вдогонку куцый кобелёк.

Парадно шествуют морозы,
В тепле уютится народ.
Трещат подмёрзшие берёзы,
Лишь у детишек хоровод.

И я – средь них, забыв про печку,
На санках вниз с горы лечу,
Пересекаю лихо речку,
Как в детстве, сердцем хохочу.

Снег чистотой глаза ласкает,
Играет искрами до слёз,
А ночью в небо поднимает,
Свет миллиардов близких звёзд.

Ах, сердцу милая глубинка,
Я вновь с тобой, в мечтах кружа,
Во мне живёт твоя кровинка,
Корнями там моя душа!

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ
подборка стихотворений участников и гостей
литературного клуба «Я сень»

Любовь Федянина

г. Пенза

* * *

Я быстро на лодочке времени мчалась.
Вот век двадцать первый, покинут двадцатый.
С собой прихватила лишь самую малость –
Нехитрый багаж мой из шестидесятых.

Высоцкого дом уместился хрустальный,
Цветов нарвала с полосы я нейтральной.
У Визбора горы и крылья палаток
И не позабыла про песни Булата.

Да вот не со всеми успела проститься.
Сейчас бы вернуться, пойти на попятный.
Но только закрыта в те годы граница,
И виза просрочена в шестидесятый.

Плывёт моя лодка по воле течений,
Осела под тяжестью воспоминаний.
И нечем мне вычерпать всех сожалений
Из лодки несбывшихся давних желаний.

А за поворотом причал деревянный
Шагнул мне навстречу спасательным кругом.
И остров надежды забытый, нежданный
Мне с берега тянет ивовую руку.

Шагну на скрипучий мосточек причала —
У лодки свой путь, у меня всё сначала.

Александр Меледин

г. Вроцлав, Польша

* * *

Мир, в который играли,
Снег, который ловили...
В полумгле замирают
Всполохи автомобилей,

Просто беззвучным криком
Вдруг отворилась осень,
Просто мои книги
Остались стволами сосен,

Спешным шагом сквозь площадь,
Мёртвым письмом в шинели —
Что же, так оно проще,
Надёжнее и честнее.

Долгий, пыльный проулок,
Тупое лезвие ночи –
Просто в груди кольнуло
Чуть пристальнее и звонче...

Анна Акчурина

г. Казань

Миссия

Руно светимое, посланец ойкумены
к чужим эклиптикам, врываясь в круг светил,
воспламеняешь мельниц ржавых вены
и отменяешь равновесье сил.

Свирепо ль, нет, – полуночное солнце,
в сей ипостаси яростной служи,
осуществляя высший дар сиротства,
внезапный крен, поправший рубежи.

Пространство-время ширится, теряя
в материи... Но грозный часовой
Обходит бесконечность антирая –
чтоб теплить жизнь в соринке голубой.

Дмитрий Шолов

г. Пенза

На току

Пахнет пылью, скирдовой соломой
От зари до зари на току.
Вновь зерном спелым кузов наполнен.
Дай лицо освежить ветерку.
Ледяной, родниковой водицы
Зачерпни из ведёрка испить.
Пусть со лба пот ручьями струится,
Как же труд на току не любить?

Вкус ржаного родимого хлеба,
Пряный пар от похлёбки твоей,
И высокое чистое небо,
Что глядит на рабочих людей.

Анастасия Митрофанова

г. Москва

* * *

Включаю музыку в темноте,
Вода смывает всё наносное:
Война, работа, любовь не к тем –
Послать всё к черту и стать... сосною.

Стоять бесчувственно на горе,
Кряхтеть смешно от прыжков куницы
И бронзовой чешуёй смотреть,
Как снег
На тело моё
Ложится.

Задумавшись, пропущу весну,
И двадцать третья минует осень,
И вдруг однажды смолой всплакну –
Ведь это может быть и у сосен.

И в этот раз будет боль не зря,
И если время мой ствол разрушит –
Пусть будет капелька янтаря
Мерцать, пока я стою под душем.

И пусть до хруста корёжит грусть,
И пусть тоска прижимает плечи –
Напоминает янтарь мне пусть
О жизни вечной.

Александр Забродин

г. Пенза

Художник

Эх, художник – тот ещё озорник!
Он кистью в мою душу проник
И будто пишет мои мечты.
Но как это так? Что, прозорлив?
Или он видит чувств прилив –
Тончайшие и сложные детали –
И переносит их на холсты?
Из обыденности и рутины
На свет проступает картина
О какой мы оба мечтали!

Станислав Колчин

г. Калуга

До встречи в Гиперборее

Все мои стихи – разговор с тобой
Через десять лет или пять веков.
Может, мы прошли разною тропой,
Жили и росли слишком далеко,

Но я понял вдруг – ты не родилась
На Земле сейчас, но ещё придёшь.
И увидишь, как мрак окутал нас,
И омоет боль с глаз солёный дождь,

И когда тоска твой погубит сон,
Помни, знай и верь – ты здесь не одна.
Скованы мечтой мы со всех сторон,
И открыта нам тайная страна.

Александр Чернюк

г. Пенза

СВЕТ КОЛДОВСКОЙ

Всё ищет своё отраженье,
качая метёлкой, камыш,
вода поднимает волненье,
где рябь пробежалась, какмышь.

И солнце ушло за ограду,
на небе зарница горит.
Нет в озере с окунем сладу –
прыжками своими манит.

Темнеет вокруг понемножку,
зажгли фонари светлячки.
Луна расстиляет дорожку
в волнистом потоке реки.

Вот свет колдовской заливает
траву луговую, поля,
он тенью в кустах оживает,
пощады себе не моля...

Струит на влюблённые пары
луна голубые лучи.
Волшебные, нежные чары
любовь источает в ночи.

Татьяна Кит

г. Сердобск Пензенской области

Пионеры

Когда мы были пионерами,
Под барабанов дробь и горны,
Отстаивали вымпел первенства,
Носили красный галстук с гордостью.

И побывать мечтали в космосе,
Как Терешкова и Гагарин.
Хотели стать скорее взрослыми.
Страна жила трудом ударным.

Читали мы с большой охотой
Кассиля, Твена и Гайдара...
Ходили с компасом в походы,
«Гренаду» пели под гитару.

Старались всем служить примером,
Не изменяли нашей клятве.
Друзьями дорожили верными
И помогали младшим братьям.

Пусть каждый делал своё дело –
Единое мы были целое.
И в призрак коммунизма верили,
Когда мы были пионерами...

Алексей Татишин (А. Белогвардеец)

г. Кемерово

Русь

Заснул стожок обледенелый,
Кольчугой-панцирем покрыт.
Княж воевода в стягах белых
В полюдье выехал на мыт.

Посев озимый брошен густо –
На недород и перевес.
Как кметь дружинный древнерусский,
В ополье спит медвежий лес.

Глубинным гулом обморожа,
Парит былинное окно,
Села заветного острожье
Хранит родимое пятно!

ПУБЛИЦИСТИКА

Антон Хрулёв

Антон Геннадьевич Хрулёв родился 30 марта 1989 года в г. Никольске Пензенской области.

Автор сборника стихов «Рассвет души». Публиковался в различных изданиях районного, областного, федерального и зарубежного уровня.

Дипломант VI межрегионального фестиваля «Часовые любви», 50-го Всероссийского Пушкинского праздника поэзии в Языково, I-го литературного фестиваля «Белинская весна», Победитель Всероссийского конкурса «Школа литературной журналистики «Молодой Дельвиг».

Сотрудник Фонда содействия развитию русской культуры. Член Союза журналистов России. Спецкор «Литературной газеты». Живёт в Пензе.

Ещё раз о русофобии

Многое о Пензе уже было сказано украинскими «мыслителями». Но, наверное, для некоторых стоит напомнить: Генпрокуратура Украины завела уголовное дело против ректоров пензенских вузов за поддержку СВО на Украине. А из последнего – уполномоченная Верховной Радой Украины по правам человека Людмила Денисова заявила о том, что депортированных или принудительно вывезенных жителей Мариуполя, а также людей, насильственно вывезенных в Россию из оккупированных регионов Донецкой и Луганской областей, содержат в лагерях, которые были для них созданы в Пензе. Обо всём этом я писал в своих материалах: «В глубоком тылу», «Украина во лжи» и других. И вот опять оказия...

О чём это я? О русофобии, конечно же. На улице Луначарского, 53 города Пензы «гордо» стоит рекламный щит, на котором разместилась социальная реклама компании «Streetmedia» с таким текстом: «Из всех наслаждений, отпущенных человеку, самое изысканное – шевелить мозгами».

«Ничего страшного, хорошие слова, правильные», – скажут многие. «Хорошие», – соглашусь я, если бы не одно большое но... Автор этих строк Борис Акунин (настоящее имя Григорий Чхартишвили) – чистой воды русофоб.

Основной литературный мотив у Акунина – это русские алкаши да любители стянуть, где что плохо лежит. Цитата из исторического романа «Статский советник»: «Эх, народишко, только подобрать, где плохо лежит» и проч. Кому будет интересно, тот сам сможет всё найти и посмотреть.

Рьяно осуждая действия нашего президента и российских военных, Акунин, обретаясь в Лондоне, создал фонд сбора денег в помощь украинским нацистам.

Во многих местах города размещены баннеры с ликом помощника бандеровцев, законодателя мод Васильева.

Когда же пензенские чиновники начнут сначала думать, а потом уже что-то подписывать?

Я позвонил в рекламное агентство и выяснил, что реклама социальная, но кто является заказчиком, мне не сказали. Сотрудник, которому я всё объяснил, обещал в ближайшее время всё исправить.

Но... кто-то же из чиновников поставил свою подпись на бумаге, а значит, это одобрил! Возникает вопрос к Министерству внутренней и информационной политики Пензенской области: неужели вы ничего этого не знаете? А куда смотрят городские чиновники, Управление культуры, Управление образования? Они, получается, прославляют врагов России во время проведения спецоперации, когда наши солдаты и офицеры борются с националистическими батальонами и их пособниками за мир в Донецкой и Луганской народных республиках. Здесь, в тылу, складывается впечатление, что задача местных чиновников делать знаменитыми, продвигать в массы имена либеральных деятелей, вероятно, для того, чтобы у прочитавших эти фразы появлялось желание читать их книги, а потом влиять на умы других людей.

В том ли ведомстве и на тех ли местах находятся люди, которые с высоко поднятыми головами выполняют свой «долг»?

Я долгое время наблюдал, что будет... Уберут русофобский баннер или нет... Как показала практика, не убрали. В последние месяцы многие пересмотрели свои взгляды и ценности, сделали определённые выводы и... кто-то уехал, кто-то и остался. Но антироссийская истерия разливается по социальным сетям, в том числе и в нашем «ВКонтакте». Об этом можно прочесть в материале Игоря Панина «Нет контакта», который был опубликован в «Литературной газете» (№ 14 от 06.04.2022); там подробно рассказано о русофобии, антиармейских и антигосударственных публикациях и высказываниях в российской соцсети. Вот цитата:

«...Мне казалось, что специальная военная операция окажет существенное влияние на контроль за высказываниями в российском интернете. Что человеконенавистничества, экстремизма и русофобии станет в разы меньше. Facebook годами приучал нас к тому, что можно безнаказанно призывать к расправе над москалями, писать самые непотребные гадости о

русском народе, обещать нам на выбор ножи, гилею или ещё чего похлеще. Казалось бы, всё это в прошлом, а нет. Многие теперь сталкиваются с тем же самым уже в отечественной сети «ВКонтакте», причём, что самое обидное, во время спецоперации. И ситуация совершенно не меняется с 24 февраля. По крайней мере, мне, как пользователю, не видно, чтобы она менялась в лучшую сторону...».

В целом нельзя не увидеть очевидной тенденции: государство вкладывает немалые бюджетные деньги, чтобы сделать узнаваемыми Дмитрия Глуховского, Гузель Яхину, Дмитрия Быкова и других либеральных писателей, в то время как писатели-патриоты получают мизерную поддержку или не получают её совсем. Тексты либеральных авторов пропагандируются среди миллионов читателей во время ежегодных «Тотальных диктантов», немалые средства тратятся и на другие подобные акции. Не в этом ли ряду и пензенская история с социальной рекламой из Бориса Акунина?

А пока будем наблюдать, какие меры предпримут региональные и городские чиновники. Как на этот раз они будут оправдываться перед народом. Время покажет.

Наши герои

Со всей страны добровольцы отправились защищать русскую землю от нацизма, как когда-то это делали их деды и прадеды в Великую Отечественную войну.

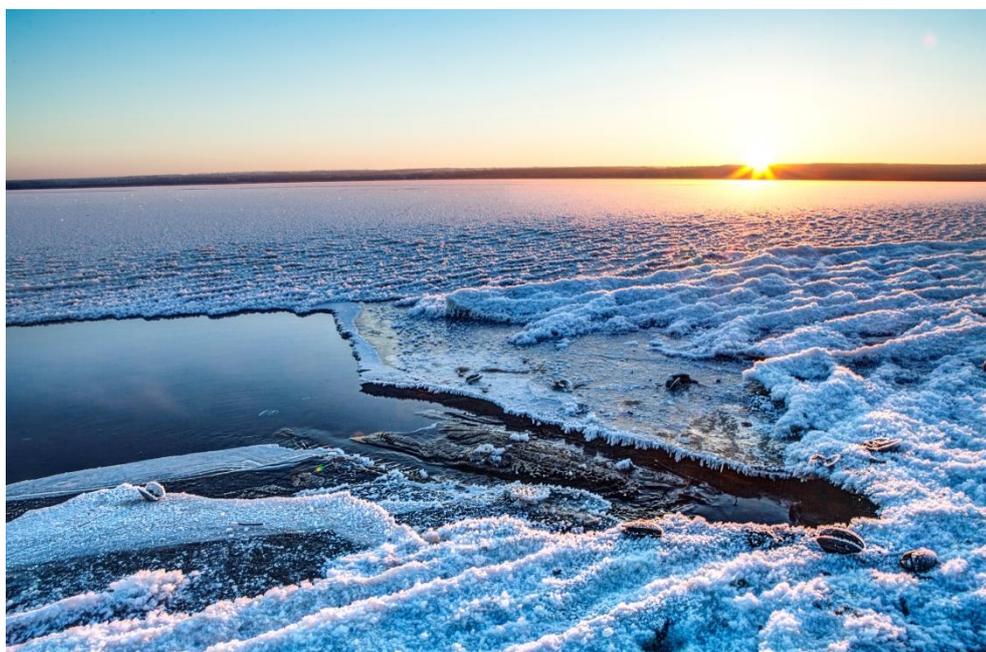
По ТВ много говорят о специальной военной операции, о героях, о подготовке мобилизованных, о гуманитарной помощи и многом другом. Но почему так мало слышно о героях-добровольцах? Да. О тех русских мужчинах, которые оставили своих матерей, жён, детей и встали на защиту Родины. Говорить много не стану. Скажу лишь, что каждый человек, который по доброй воле пошёл защищать своё Отечество – Герой!

Наши боевые товарищи отдельного добровольческого отряда БАРС-14: Рафик Ринатович Муртазин, Денис Владимирович Стешкин, Сергей Александрович Пономарёв, Николай Владимирович Гунин, Султан-Мажит Амирсултанович Эсенбаев, Магомед Баниугович Эмеев, Адильхан Магомед-Саидович Адильханов погибли, выполняя свой воинский долг.

Вечная память и слава героям!

ЭТО ВЕЧНОЕ ЧУДО ТВОРЕНИЯ

Фотографии с пензенского форума любителей-краеведов
«ПЕНЗОВЕД.РФ», основанного 6 июня 2012 года в г. Пензе

КРАЕВЕДЕНИЕ

Наталья Каресли

Наталья Вячеславовна Каресли родилась 3 февраля 1956 г. в Пензе.

Окончила Пензенское культпросветучилище и ВГИК (мастерская нар. артиста СССР А. В. Баталова). Российская и сирийская актриса. Много лет жила и работала в Сирии. В 2021 г. вернулась на родину.

Участница литературного клуба «Я сень». Печаталась в журнале «Четверговая соль».

Посвящены внучке Суворова

В театральной студии, которой я руководила при Советском Культурном Центре Дамаска в конце 80-х годов минувшего века, появился мальчик из сирийско-российской семьи. Я познакомилась, а впоследствии и подружилась с его матерью Инной Борисовной Атфе-де-Фриу. И если бы не эта многолетняя дружба, то по возвращении в Россию в названиях пензенских улиц – Дворянская, Поперечно-Покровская – моё воображение рисовало бы картины, отличные от тех, что видятся теперь, когда в моём архиве лежат собранные за несколько лет документы о семье де-Фриу.

После одной из публикаций о русскоязычной общине Дамаска я получила по электронной почте письмо из Москвы. Татьяна Евгеньевна Ершова написала, что принадлежит к русско-французской ветви этого рода. Из дальнейшей переписки выяснилось, что у москвички Т. Е. Ершовой и моей дамасской подруги И. Б. Атфе общий прадед – француз Исидор де-Фриу.

Инна Борисовна, показывая фотографии из семейного архива, рассказывала о своих близких, родных, и вместе с документами, уже собранными Татьяной Евгеньевной, всё это складывалось в интересную картину сплетения человеческих судеб.

В пятидесятых годах XIX века сын доктора медицины, Исидор де-Фриу эмигрировал в Россию, оставив по семейным преданиям замок в Нанси. Шестьдесят с лишним лет водила его судьба по российским городам и губерниям. Получив в Императорском Санкт-Петербургском университете свидетельство на звание учителя французского языка, преподавал он в гимназиях Архангельска, Красноярска, Вятки, в реальном училище Моршанска. В январе 1873 г. Исидор Иосифович де-Фриу был назначен на должность преподавателя Пензенской прогимназии, где часто за отсутствием директора гимназии, исполнял его обязанности. Последнее упоминание о нём – в протоколе заседания гимназии от 19.04.1904 г., где стоит его личная подпись: «1 августа 1904 г. уволен от службы, за выслугою срока и в настоящее время проживает в Пензе».

Мне захотелось больше узнать о пензенском периоде жизни русского француза. И в этом мне помогли журналист Александр Яхонтов и пензенские краеведы С. В. Зелёв и А. И. Дворжанский. С. В. Зелёв нашёл несколько документов, касающихся Исидора Иосифовича и его детей, а А. И. Дворжанский, просмотрев окладные книги и книги оценки имущества, сообщил следующее:

«В 1885 году статский советник Исидор Иосифович де-Фриу приобрёл у Общества взаимного кредита усадьбу в квартале 18 по ул. Дворянской, 20 (после революции – № 23, в более позднее время № 37) – вторую по

счёту усадьбу от угла с улицей Поперечно-Покровской (ныне ул. Чкалова). На усадьбе де-Фриу располагались два жилых дома – двухэтажный смешанный (низ каменный, верх деревянный) с подвалом, построенный в 1887 году и перестроенный в 1904 году, и 1-этажный, деревянный, на кирпичном подвальном этаже. Во дворе находились хозяйственные постройки: конюшня, хлев, коровник, дровяник, погреб.

Сам владелец усадьбы проживал здесь с 1904 года, а именно на втором этаже здания, окнами в сад, остальные квартиры – в подвальной части, 1-м этаже и на 2-м этаже окнами на ул. Дворянскую сдавались постояльцам.

Из окон квартиры де-Фриу можно было увидеть Пензенское духовное училище, училищное общежитие, Введенский храм, Спасо-Преображенский мужской монастырь».

Дослужившись до чина статского советника, став кавалером ордена Анны и Святослава III-ей степени, Исидор Иосифович де-Фриу завершил свой жизненный путь в 1916 (1917?) году на Украине, в Бердянске.

Уходя, человек оставляет наследство – богатое, небольшое, или совсем незначительное, которое потомки либо пустят по ветру, либо приумножат. А ещё остаются тайны, и дело потомков разгадывать их или нет.

Осталась тайна и после Исидора де-Фриу. В 1851–1856/7 годах он жил в Риге и нередко доводилось ему бывать в доме внука А. В. Суворова, губернатора города Александра Аркадьевича Суворова-Рымникского. Там он познакомился с его дочерью Любовью Александровной, и ей, впоследствии княгине Голицыной, посвятил шесть романсов.

Было это данью уважения к дому, где его принимали, или так Исидор выразил свои чувства к правнучке великого русского полководца, нам остаётся только гадать... Возможно, когда-нибудь ответ будет найден, и тогда одной тайной станет меньше.

В Национальной библиотеке Франции есть листы всех шести романсов: автор текстов Исидор де-Фриу, композитор Richard Genée. У потомков по линии Владимира Исидоровича де-Фриу (в семье Петровых) хранятся ноты со словами, напечатанные во Франции.

Инна Борисовна Атфе говорила, что видела ноты романсов в Харькове, у старшей сестры своего отца, Александры Владимировны Лукашовой, но когда она спросила о романсах прадеда, тётушка поспешно спрятала ноты, потому как боялась даже упоминания о родственнике-иностранце. Было самое начало 50-х... Каждое время ставит свои условия.

Так благодаря перекрестью дорог и сплетению судеб мне довелось узнать, что автор романсов, посвящённых правнучке нашего земляка генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, жил в моём родном городе Пензе.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Арутюнов

Сергей Сергеевич Арутюнов родился в 1972 году в Красноярске. Окончил Литературный институт по специальности «Поэзия» (семинар С. И. Чуприна и Т. А. Бек). В качестве рецензента, члена редакционных коллегий и автора статей и стихотворных подборок сотрудничал с рядом толстых журналов. Публиковался во многих печатных органах.

Доцент кафедры литературного мастерства Литературного института им. Горького. Главный редактор портала «Правчтение» Издательского Совета Русской Православной Церкви, научный сотрудник Совета.

Полезный разговор

Профессионализм

Написав достаточно, вы неизбежно придёте к мысли о том, что ваши опыты должны быть кем-то признаны. Словесник органически стремится к признанию – в виде публикации ли, победы в конкурсе. Знакомая картина, не так ли?

Но, прежде всего, усвойте одну истину: в литературе вас никто не ждёт. Ни в прозе, ни в поэзии, ни в драме, ни даже в переводе, где есть свои швейцарские мэтры шоколатье, ревностно берегущие своё первенство. Доказывать, что вы сносно пишете, вам придётся годы и десятилетия. Чаще всего – всю жизнь.

Ранняя слава ничего, по сути, не гарантирует: вознеся вас двадцатилетних, наша коммерциализированная до мозга костей словесность постарается вас как можно быстрее забыть и с лёгкостью переключится на какого-нибудь более молодого и одарённого – точь-в-точь, как... где? – верно: в западном шоу-бизнесе. Постоянный поиск талантов практически гарантирует всеобщую бездарность.

Издательства

Современные издательства авторов не ищут, самотёка (пришедших на их адрес рукописей) практически не читают. Хотите издаваться – ответ один: платите. Если вам приходит спам о том, что открылась уникальная возможность где-либо напечататься, это коммерческое предложение с чётким указанием цены за страницу, авторский или печатный лист.

В современных издательствах практически нет редакторов и даже корректоров – содержать их дорого, так что оплаченный вами текст вероятнее всего выйдет в авторской редакции, то есть, с теми же ошибками, которые вы совершили даже в грамматике. Вариантов исправления их вам предлагать никто не станет, как и вникать в ваш замысел и его воплощение.

...Возможностей для признания сегодня, казалось бы, – пруд пруди, но все они локальны по сравнению с членством в Союзе Писателей СССР, вслед за которым являлись и регулярные публикации, и невероятные тиражи, и предельно обеспеченная, барско-господская жизнь с собственным домом, садом и поездками в составе делегаций то по стране, то за границу. Теперь ничего этого нет, за исключением предельно ограниченного разряда «молодой современной русской литературы», в котором содержатся до десяти человек. Их одних постоянно переводят, вывозят на книжные выставки-ярмарки за рубеж, охотно печатают в глянцевах журналах.

Пороком молодой литературы является то, что развивается она по лекалам, формируемым совсем не в авторах. То есть, кто платит, тот и требует от автора соответствия концепции: вот, например, страдания малых народов в Советском Союзе, о которых надо постоянно напоминать, чтобы Советский Союз проклинался день-деньской как тюрьма народов. Отсюда даже не полшага до объявления такой же тюрьмой Российской империи, шельмования всей её истории, а вообще ноль шагов. Нужен ли такой автор творцам литературной реальности? Конечно. Будут они платить ему? Разумеется. Или вот автор, рисующий беспощадность войны на границах изрядно ужавшейся в размерах страны. Головорезы, изуверы... не солдаты, а средневековые пираты или тихоокеанские дикари-людоеды. Нужен такой автор? Нужен, как хлеб, как воздух, чтобы объяснить читателю простую вещь – не нужно воевать за свою страну, на войне грязно, пакостно, и вообще она бессмысленна. Идеология разоружения весьма помогает при внешней агрессии внешнему же агрессору.

Есть среди «молодой российской литературы» и интеллектуалы-мыслители, рисующие по воде какие-то странные линии – непрерывно рефлектирующих и морально нечистоплотных героев, списанных с западной классики – то слабаков, то преступников из высших слоёв общества, так называемой «элиты», торгующей всем подряд или заимствующей то, что наторговали их предки, по наследству. Именно поэтому среди коммер-

ческой литературы так популярны криминальные жанры. Если же автор спускается в низы общества, там будет кишеть ад. Принципиальная установка хорошо оплачиваемого автора – изображение России как гноища для самых тупых, озлобленных персонажей, которые сами виноваты в своей нищете – так скоро разбогатевшие оправдывают свои преступления.

Главный герой современных романов – деньги, богатство, сокровища, иногда – успех, помогающий раздобыть гораздо больше денег, чем у обычного россиянина, которых авторы таких поделок презирают за неумение раздобыть деньги. Когда авторы поделок оправдывают свои романы и повести тем, что, бичуя пороки, они стремятся к их уничтожению, их оправдания смешны: ни Гоголя, ни Салтыкова-Щедрина среди современных писателей нет, потому что классики бичевали, любя, умея любить. Но теперь платят – за смакование пороков, фатальное распространение их на всё население страны, а также – за оголтелую ненависть ко всему русскому, да и нерусскому тоже. По плодам узнаете их (с).

Наиболее успешные в этой среде авторы становятся издательскими проектами. Люди-проекты, чьи имена становятся нарицательными для какой-нибудь крупной серии книг, работающие, как машиностроительные станки, вероятнее всего, с использованием наёмного труда, относительно благоденствуют. Их можно назвать профессионалами, поскольку они живут на заработки исключительно литературные, но нужен ли нормальному человеку такой профессионализм, стоит серьёзно задуматься. Не продаёт ли он свою душу, не топчет ли себя, иступлённо работая на «имя», большой вопрос.

Обычные авторы вынуждены быть частями издательских проектов. В ста из ста случаев даже одарённому автору из числа начинающих предложат заплатить за издание своей рукописи: издательство не хочет рисковать ни одной своей копейкой ради него, даже при условии, что он пишет небывало ярко. Издательства привыкли жаловаться, что существуют на последние гроши, живут тяжело, жертвуя всем ради великой словесности. Чаще всего это ложь – в конечную сумму издания закладываются все возможные риски.

Читатель же в это время приручается к изданиям проектным методом – издаётся несколько однотипных книг на почти одну тему, эксплуатирующих сходные обстоятельства, но исполненные разными людьми под одной маркой, и настоящих имён этих писателей читатель никогда не узнает. Таких спрятанных подёнщиков называют «литературными неграми» – из-за того, что за мизерные деньги они трудятся от зари до зари, как чёрные рабы на американских плантациях.

Издателю нужен юмор? Пожалуйста. Стилизация под западный детектив на российской почве? Переложение бестселлера (пусть даже кинобестселлера)? Любое ваше пожелание за ваши деньги. Дайте два месяца за

гонорар в 40–50 тысяч без вычетов. Хотите ли вы быть в такой вот когорте словесников, ответьте себе сами.

Сегодня литература устроена таким образом, что наиболее крупные издательства делают свои прибыли либо на госзаказе (учебниках, например), либо на идеологии, в основном на разоблачениях преступлений прошлого. Вождей, заметных лиц следует показать как можно более чудовищными преступниками, возбудив в читателе мысль о том, что любить такую Родину глупо. Это почти публицистические «расследования», не брезгующие никакими подтасовками, выдачу желаемого за действительное, тем более, что проверить излагаемые факты у читателя, не имеющего доступ к архивам, возможности нет.

Премии

При столкновении с литературными премиями помните следующее: ни одна из них не гарантирует вам буквально ничего – ни обращения к вам «ведущих издательств», ни повышения тиражей, ни известности. Как механизм литературные премии практически не работают. Появление ещё одного имени на воображаемом литературном горизонте в 99% случаев ничего ни для кого не значит. Их слишком много, и когорты молодых авторов, хором выводимых на авансцену, в таком же проценте случаев не сбываются: ни одна, ни две, ни даже три отмеченных книжки литературному сообществу ничего не говорят, пока автор не доказывает, как верен он идеологически выверенной линии. И даже в таком случае гарантий никаких.

Можете не смотреть в сторону таких премий, как Андрея Белого (модернисты такого толка, что вам и не снилось), «Большая книга», «Русский Букер», «Национальный Бестселлер» (те же самые авторы). Самая, пожалуй, одиозная премия называется «НоС» – то есть, НОвая Словесность. Более странных и воистину демонических лауреатов, чем выделенные премией, поискать. Хотя... премия имени Аркадия Драгомощенко кроет все российские премии одним махом. Чтобы понять, какие идеалы она превозносит, достаточно почитать самого Драгомощенко, лауреатов премии, и также журнал «Новое литературное обозрение», которое так и хочется назвать «обострением», причём как осенним, так и весенним одновременно. Это снова верлибр, старательно искажённый и разрушенный слог и упорная, застарелая ненависть к жизни, людям, стране и миру. Нельзя обманываться и названием «Русская премия» – она вручается людям, допускающим весьма вольные высказывания о России и русских. Премия «Дебют» в бытность свою до закрытия так же увлекалась пестованием отказа от русской силлабо-тонической традиции в угоду «западным форматам» – верлибру. Говорить о премии «Либмиссия» («Либеральная

миссия») и вовсе не стоит: вопросы определения «гендера» и тому подобных порождений зрелого либерализма (троцкизма в своей основе) плодили, и будут плодить чудищ. В поэзии ещё недавно определяли лучшего поэта (премия «Поэт») – без дискуссий, постановлением свыше. Теперь эту премию сменила премия «Поэзия», организуемая инициатором «Дебюта», и ещё до первого её вручения ясно, каковы будут предпочтения – только не рифмованный, и только не ритмизированный стих, но нечто вялое, якобы высокоумное.

«Премиальная литература» – это романы, порой довольно пухлые и массивно рекламирующиеся, читать которые неизменно скучно, потому что они не рассчитаны на «массового читателя». Они – для так называемого «экспертного сообщества», которое определяет литературную моду сколь прихотливо, столь и капризно. По сути, это настоящий заговор двух-трёх, от силы пяти могущественных «персон», выражающих через посредство премий свои вкусовые пристрастия. К русской словесности премии отношения не имеют: их задача – изображать светскость, то есть, непроницаемое лицо там, где нельзя вскрикнуть о том, что происходит в стране, какая боль разлита в народе, каковы пределы обнищания, несправедливости, общественного расслоения и растреления. Буржуазная идеология подразумевает, что бедные сами виноваты в своей бедности, а богатые – суть нации, что бы они ни сделали, кого бы ни ограбили. Такая идеология называется «социальным дарвинизмом» – то есть, оправданием любых мерзостей, если они осуществлены сильным против слабого. И никакого милосердия, воздаяния. В этом смысле современная премиальная литература России – антихристианская. И заказная.

Существует ли в современной российской словесности сектор, который не занимается опоганиванием действительности – ни прошлой, ни настоящей? Да, существует. Патриаршая литературная премия и её младший брат – конкурс «Просвещение через книгу» выделяет те книги, что, не оправдывая тёмных эпизодов, стремятся найти в русской истории и современности проблески надежды на будущую жизнь, и справедливую, и милосердную. Но этот сектор чрезвычайно мал. Поддерживать отчизнолюбивую литературу пыталась премия имени Дельвига, но её больше нет. Итак, если не премии, не восхождение по издательским ступеням, то что?

Журналы

Толстые литературные журналы сегодня, как принято говорить, переживают «не лучшие времена» – то есть, попросту, закрываются. Я даже не буду касаться ориентации толстых литературных журналов, две трети которых сегодня исповедуют либеральную идеологию, а треть – патриотическую, что ни тех, ни других не спасает: качество толстожурнальной ли-

тературы оставляет желать лучшего. Некогда самые влиятельные в плане отбора в словесность органы печати, журналы деградировали до частных лавочек (ООО, ЗАО, и прочих частных форм собственности заведения), и занимаются скорее отрицательным отбором, печатая давнишних друзей ничтожными тиражами. Интересы у читателя они не вызывают вследствие испуганной, лишённой малейшего дерзновения политики невмешательства в жизнь страны. Чем заумней и безучастней их литература, тем в большей безопасности они себя чувствуют.

Выводы

О каком же признании, каком профессиональном сообществе следует говорить? Не о родных и друзьях, разумеется, но о среде, которую современный словесник организует себе сам. О сетевом общении с единомышленниками, словесниками более высокого круга посвящения, разговоры с которыми могут и укреплять веру в себя, и совершенно разуверять. Наощупь находя тех, кто мог бы оценить рассказ, подборку стихотворений, молодой словесник выстраивает индивидуально настроенную на самого себя сложную среду, состоящую из образованных ценителей слова, преподавателей словесности, причём и школьных, и вузовских, независимых издателей, рецензентов.

Многие стремятся пройти школу Литературного института им. Горького, который не выдаёт виз в литературу, но стремится подготовить каждого выпускника к столкновению с айсбергом бытия, равнодушному практически к любой словесности, тем более в «информационную эпоху».

Удачи вам в этом плавании.

Две цитаты из интервью А. Кузьменкова

Нам с вами выпало несчастье жить во времена постмодерна. Категорический императив эпохи – примат семиологии над онтологией, проще говоря – видимости над сущностью. А герой нашего времени – симулякр, то есть вторичный образ без первичного подобия. В такой эстетической парадигме искусством становится всё, что таковым объявлено, будь то хоть разбитый унитаз.

У писателя нет других инструментов, кроме языка. По-моему, в основе литературного мастерства лежит как раз владение языком. Это, скажу на манер 1920-х, школа первой ступени. Школа второй ступени – знание материала.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Нина Шеменкова

Нина Александровна Шеменкова родилась 01.02.1952 г. в Караганде. Образование высшее экономическое. Советник государственной гражданской службы РФ 1 класса. Ветеран труда федерального и регионального значения.

Автор 13 книг стихов и прозы. Неоднократно печаталась в журнале «Сура», периодических изданиях областного, федерального и зарубежного уровня. Лауреат IV областного поэтического фестиваля им. Д. Д. Злобиной, 18-го областного Купринского конкурса «Гранатовый браслет» в номинации «Мастер», Дипломант III Московского международного литературно-музыкального фестиваля-конкурса им. Сергея Клычкова «Душа моя, как птица», Поволжского литературного конкурса «Венец поэзии – 2020». Победитель конкурса к 85-летию Николая Рубцова «По морю любви и поэзии» – Санкт-Петербург (2021).

Член Союза писателей России. Участник литературного клуба «Я сень».

Вспомним добрым словом (о писателе Викторе Сазыкине)

Виктор Алексеевич Сазыкин ушёл в мир иной 16.12.2021 г. Светлая память о нём живёт в сердцах его друзей.

Читатели знают Сазыкина как прозаика, но он писал и стихи, которые не публиковал. Его жена Елена Козина охотно откликнулась на предложение передать для журнала «Четверговая соль» несколько стихотворений Виктора. Эти стихи в основном посвящены коллегам по перу. Строки из первого стихотворения раскрывают внутренний мир поэта: «Дум первородных я полон и чувств, / Полон – как короб добра».

Кроме литературного творчества он мастерски играл на гитаре, хотя крайне редко демонстрировал это умение на публике. А в его пении непременно звучали цыганские интонации. Да и в его облике сквозило что-то цыганское.

Почти в каждом прозаическом произведении Виктора Сазыкина проявлялся его философский взгляд на жизнь, окрашенный некоторым мисти-

цизмом. А в жизни он был открытым, искренним человеком, никогда и ни в чём не кривил душой, разве что в общении с людьми проявлял резкую прямолинейность.

Виктор Алексеевич Сазыкин (20.08.1956 – 16.12.2021, г. Пенза) родился в с. Кривозерье Нижнеломовского района Пензенской области. Окончил Пензенский сельскохозяйственный институт. Служил в Советской Армии (1978–1980). С середины 1980-х гг. начал заниматься литературным творчеством. Участник IX Всесоюзного совещания молодых литераторов в Москве (1989). Учился на Высших литературных курсах при Литературном институте им. М. Горького (1991–1993). Работал механиком, инженером-конструктором, охранником на железной дороге, разнорабочим и отделочником на стройке, преподавал в Школе искусств для одарённых детей, сотрудничал с газетами, был литературным консультантом, председателем Пензенского регионального отделения Союза писателей России.

Автор книг прозы «Возмездие за веру» (1990), «Тень-жена» (1995), «В белых тогах, как боги...» (2000), «Лилии белые» (2004), «Ангел-расстрига» (2006), «Забавные истории» (2012), «Под звёзды заката» (2018) и др.

Лауреат Международного литературного фестиваля «Славянские традиции–2010». Публиковался в различных журналах и СМИ, в т. ч. в сетевых изданиях. Награждён медалью «Патриот России» (2015). Член Союза писателей России.

Память души

Там, за рекой, в июле –
Жарко-попынный звон.
Как мы с тобой разминулись
В гулком потоке времён?

Ты и тогда – синеока,
Ливень чёрных волос!..
Я же, разбойный сокол,
С Востока тебя принёс.

Помню – жестокая сеча!
Помню – богатый дувán!¹
Помню – в багровый вечер
Добычу нам князь раздавал.

¹ Дувán (уст.) – общая разбойничья добыча.

Ты же на саблю досталась¹
Не мне, золотая княжна.
И лучшего друга не стало:
Проворен коварный кинжал.

И вырвал тебя я грубо,
Как коршун-сарынь, как тать².
Но... целовались в губы
Небо с землёй – в закат!

И половецкой лунной
Степью
 неслись мы три дня.
Был я бесстрашный, юный,
И ты полюбила меня.

Но где мы потом разминулись,
На стыке каких времён?
Вот потому в июле
Горько-полынный звон.

Вот потому на круги
Память – как в ярый пыл:
Там, в половецкой вьюге,
Душу и честь я сгубил.

Река Сура

Л. Терёхиной

От дома до дома заснеженной тропкой
Иду по затону. Безлунно светло.
И мысль издалёка странницей робкой
Приблизилась вдруг – как волной повлекло:

А так ли звучит на ином языке
«Речка», «река» и «рука»?
Имя Сура нарекалось реке –
Солнцем запела река.

¹ На саблю досталась (старинное разбойничье выражение) – добыча, приобретённая лично в бою.

² Тать (уст.) – вор, грабитель.

Белые руки-ручьи в рукава
Пустила, как лебедей.
И полетела на крыльях молва:
Нет её краше, светлей.

Глянул Господь и изрек: «Хорошо!».
Ангелов хор подхватил,
Птиц и лягушек... поэтов ещё –
Всех, кого Бог полюбил.

Да, полюбил и поэтов Господь –
Речью уста отворив.
Неизреченно горит духо-плоть
В солнечных водах зари.

Дум первородных я полон и чувств,
Полон – как короб добра.
Ласточкой шёпот срывается с уст:
«Пóсолонь – Солнце – Сура!»¹.

Алая грусть

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой...
Народная песня

Стояла, потупивши взоры,
И шёпот струился из уст:
«Возьми меня в синее море,
Где ветер и алая грусть.

Возьми меня в дальние страны,
Где песенно-светлый простор,
Где в розовом ходят туманы,
Где в белом – сияние гор.

Возьми – буду верной женою,
Возьми – буду нежной сестрой,
Возьми, если хочешь, рабою,
Возьми... ну, хотя бы чужой».

¹ Пóсолонь (церковно-слав.) – по солнцу.

Услышал – и сердце забилося,
Забилося, как тысяча крыл.
Но правда ли, что полюбила?
О, правда – что я полюбил.

Любимая, едем со мною
В чужие, шальные края,
Ты будешь сестрой и женою!..
Но там ты... разлюбишь меня.

И оба потупили взоры.
И шёпот не слышен из уст
Про горы и синее море,
Где ветер и алая грусть.

Памяти Дины Злобиной¹

О, Русь, Россия! Свет мой голубиный,
Безбрежная, бродячая, в огнях,
Равнины, долины, калики², калына,
Рябин рубахи, родина, родня,

Разбойная, святая, зоревая,
От дум Господних темная, как ночь,
Но под дыханьем тайным вызревая,
Ты прозревала, что Христова дочь.

Не потому ли очи всё печальней,
Иконнее, темнее, грозовой,
Чтоб, зов услышав колокольный, дальний,
Прийти к Нему с любовью своей.

И преклонив разбитые колена
За сто веков исхоженных дорог,
У ног Христа не блудной Магдаленой –
Святой Марией сядешь ты у ног.

¹ Дина Злобина (1936 – 2005) – известная пензенская поэтесса.

² Калики – бродячие певцы (калики-перехожие) на др. Руси.

И выйдут бѣси, растворятся в бездне,
Души уставшей не затронув лад.
Господь укроет плечи ризой звездной:
«Восстань, иди, не жди земных наград,

О, Русь, Россия, свет мой голубиный,
Долины, дóлы, кáлики, калúна...».

Памяти Фёдора Ракушина¹

Отпел, отлюбил, отмечтал, отстрадал –
Ушёл безоглядной дорогой.
Невидимый ангел над гробом рыдал,
Взыскуя прощенья у Бога:

О, Боже великий, Владыка судьбы,
Ты – страх, Ты – восторг, Ты – прощенье!
Мы верили в то, что восстанут гробы
Из тленья, из тленья.

О, Боже! Ты дал нам приют на земле –
Мы жили по долгу, по праву;
Мы к свету стремились, блуждая во тьме, –
Прости нам, Царь Славы.

Так ангел Господний над гробом взывал,
Взыскуя поэту прощенье.
Отпел, отлюбил, отмечтал, отстрадал –
Ушёл в золотое забвенье².

¹ Фёдор Ракушин (1926 – 2000) – известный пензенский поэт.

² Золотое забвенье – образ из романа В. Сазыкина «Ангел-расстрига».

Юмор

Александр Зверовщик

Александр Евгеньевич Зверовщик родился 21 августа 1965 г. Окончил Пензенский политехнический институт. Доктор технических наук, зав. кафедрой «Технология машиностроения» ПГУ. Член нескольких диссертационных советов. С 2012 года состоит в Международном Союзе машиностроителей.

Автор и исполнитель, участник и лауреат многих бардовских и поэтических фестивалей. Руководитель рок-группы «Вне Координат».

Печатался в журнале «Четверговая соль». Участник литературного клуба «Я сень». Живёт в Пензе.

Точка зрения

Принцесса

Проснулась принцесса, утёрла слюну.
Подумала: «Больше теперь не усну».
С горошины слезла, сошла в погребок.
Доела сметану, с блинами творог.
Ковшом зачерпнув, попила молока,
Подумала: «Хватит молочки пока».
Пошла на кровать, но теперь на пути
Стоял холодильник. Как мимо пройти?
Корейка, курятина, сыр камамбер...
И лопнул по швам королевский размер.

Точка зрения

Однажды спорили две гири,
Кто неподвижнее лежит:
Все двери разнесли в квартире,
Был напрочь ламинат разбит.

Когда заспорят чугунины,
Вблизи как вкопанный не стой!
Тогда увидишь всю картину,
При мненье будешь... и живой.

Подход

Чтоб грипп от целебного чая прошёл
В чай знахарь добавил парацетамол.

Совет опытного человека

Опасно всё – лёд, пламень, шишки
В лесу, а также – пить, дышать.
Ни за какие за коврижки
ПБ не стоит нарушать.

К станкам – ни-ни, не подходите,
В полях – косилки, зверь – в лесах!
Наш идеал – письмоводитель,
Что точки ставит на листах.

А впрочем, нет, там степлер, скрепки,
Пыль, стержни, канцелярский клей...
Глядишь, и паренёк некрепкий
Уж ласты склеил поскорей.

Так как же быть?! Читать уставы,
Сан-пины наизусть учить,
Дел не касаться, как отравы.
Издалека... руководить!

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Надежда Винокурова

Надежда Николаевна Винокурова родилась 19 июня 1954 г. в селе Кера Нижне-Ломовского района Пензенской области.

Окончила Пензенское кулинарное училище, Курский кулинарный техникум. Повар шестого разряда. В настоящее время частный предприниматель.

Автор одиннадцати сборников. Печатается во многих альманахах.

Член Интернационального Союза писателей, член Союза курских литераторов.

Участница литературного клуба «Я сень».

Витёк, курятник и любовь

Чем дальше уходит от нас детство, тем явственнее всплывают в памяти наши шалости, наши необдуманные поступки, а порой беззаботные шутки.

Росли мы в небольшой деревне, где и домов было мало, а детей ещё меньше.

Семь девчонок да один парень – вот и всё детское население нашего возраста. Детей старшего возраста было больше. Витёк был на два года старше нас, но уже проявлял своё ухажёрское внимание к девчонкам. С особым уважением он относился к Валентине из соседнего села Кера. Там молодёжи было больше, и работал клуб, где показывали кинофильмы.

Хотя до этого села было несколько километров, но раз в неделю, как по расписанию, мы всей гурьбой ходили туда, а Витёк ездил на велосипеде.

И однажды ранней весной, когда подсохла дорога, оделись листвою деревья, а свежий, ароматный, тёплый воздух будоражил сознание, мы,

возвращаясь после кино, решили пошутить над «женихом», и устроили ему засаду.

Бельевой длинный тонкий шнур, совсем незаметно натянули через дорогу. Наблюдать решили все: двое перелезли через деревянную ограду и там затаились за деревьями. А мы с подружкой Галей залезли к тётке Дуне на крышу курятника. Сидим. Ждём.

Когда наш гуляка подъехал к натянутому шнуру, мы его дёрнули с такой силой, что Витёк свалился с велосипеда и распластался на земле во весь рост.

В это время, кто был на огороде за оградой – убежали вниз к озеру, а мы с Галкой от радости подпрыгнули, под нами трухлявая крыша рухнула, и мы провалились.

Что поднялось в курятнике?! Петух громко закукарекал, куры раскудахтались, собака во дворе загавкала. Шум разнёсся по всей округе.

А мы, поцарапанные, в порванных платьях, еле выбрались и убежали в спасательный лесок, благо он находился вблизи.

Вдоволь нахохотавшись, мы тихо возвратились домой и уснули.

Рано утром сквозь сон слышу голос тётки Дуни – она со слезами на глазах поведала матери:

– Нюр, а Нюр, отпусти сына Колю, пусть он мне поможет на курятнике крышу починить, а то ночью ребяташки баловались и проломил её. Куры-то все целы, что они там искали – не знаю.

Услышав это, я испугалась; сердце ушло в пятки, плотнее завернулась в одеяло, хотелось бы даже провалиться...

Но подошёл ко мне брат, приоткрыл одеяло и грозно сказал:

– Это твоих рук проделки?.. Я это знаю. Тебе игрушки, а мне работа целый день из-за тебя. Ух...!!!

От страха я ещё крепче закрыла глаза и ничего ему не ответила, но в глубине души поклялась, больше никогда не причинять вред одиноким старушкам; и оставить Виктора в покое.

Пусть ездит, если ему нравится Валентина!

Больше вред не причиняла одиноким старушкам.

А бабе Дуне старалась всегда предложить свою помощь: то хлеба куплю, то молока отвезу, иногда приносила воду из родника, так как он был от неё далеко.

Мне пришлось искупать свою вину, хотя баба Дуня, так и не узнала, кто же ей провалил крышу в курятнике и зачем туда лазили.

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Ксения Зоткина

10 лет, г. Пенза, лицей № 73.

Лисёнок

Я, маленький Лисёнок, живу вместе с папой Лисом и мамой Лисой в норе под высоким дубом. Я весёлый, озорной. Люблю побегать по лесу, поискать ягодки, грибочки. Если увижу злого жителя леса, спрячусь от него в свою лисью норку. Тут мне не страшно.

Но вот однажды под этим дубом решила отдохнуть семья людей. Они развели костёр, пожарили сосиски. Поели, повеселились и начали собираться домой. Всё взяли и уехали. А вот костёр не потушили.

В это время мы все были в своей норе. Прилегли отдохнуть. Проснулись от едкого дыма и треска. Папа Лис выглянул из норы и был в ужасе. Вокруг всё горело. Мне стало страшно. Бежать было некуда.

Мой папа Лис сказал, что мы будем спасаться в земле. Что мы пророем ещё одну нору, которая выведет нас из огня.

Мы втроем быстро начали всеми четырьмя лапами копать землю, двигаясь в безопасное место. Я быстро устал, но продолжал отбрасывать землю. Она хрустела на моих зубах. Я её выплёвывал и продолжал копать. Папа Лис меня подбадривал, говорил: «Молодец, ты у меня настоящий Лис!». А потом я совсем отключился. Когда открыл глаза, почувствовал воду. Меня поили водой, умывали. Я приподнял голову и увидел Речку. Получается, что это мы докопали свой ход до речки.

Ура! Мы спасены! Мы обнимались, смеялись и плакали одновременно. Люди! Будьте внимательны! Даже один непотушенный костёр приносит много бед, трагедий жителям леса!

Татьяна Улрихина

С. Богословка Пензенской обл. 10 класс.

Скворцы и люди

Война пришла неожиданно-негаданно. Никто к ней не готовился...

В семье Крыловых росли двое детей. Сына звали Петя, а маленькую дочку – Маруся. Проводили на фронт кормильца. Мать с детьми осталась одна.

...Уже почти три года прошло с тех пор, как дом остался без хозяина. Обветшал за эти годы. Да и во дворе всё говорило о том, что давно мужские руки здесь не работали. Тяжело матери приходилось. Кругом одна: и дома, и в колхозе. За мужа душа болит, ребята не видят детства...

Порой ей становилось страшно, тогда она садилась около окна и подолгу смотрела куда-то вдаль. А тут и письма с фронта перестали приходить...

Однажды ранней весной женщина услышала странные звуки – будто кто-то стучал по крыше дома. Быстро-быстро, часто-часто! Ребятишки выбежали во двор, посмотреть, что это. И увидели они скворцов! Дождались! Зимой старенький скворечник снесло ветром. Упал с шеста птичий дом, рассыпался от ветхости. Потужили хозяева, да что тут поделаешь? И вот птицы строили гнездо прямо на крыше, в прорехе. Хозяева так обрадовались гостям! Знают скворцы свой двор – не хотят искать новое жилище! Вокруг немало домов, а скворцы выбрали именно их маленький дворик. Значит, это не просто так! Даже мама, которая в последнее время всё чаще тихо плакала, повеселела, улыбнулась! Не зная покоя, строили скворцы свой новый дом. Земля ещё покрыта снегом, лишь кое-где обозначились проталинки, а уже зазвенели во дворе залиvistые песни скворцов.

Вскоре в гнезде появились птенцы. Взрослые птицы суеились с утра до вечера. Но вот однажды птенцы уж очень громко пищали, напоминая о том, что пришло время кормиться. Птичья семья не понимала, почему отец-скворец так долго не возвращается. Давно уж улетел за червячком или козявкой. И вот нет его! Самка не могла оставить птенцов без присмотра, но кормить-то их нужно. Люди заметили волнение на крыше. Они поняли, что у скворцов беда. Тогда Петя принял решение накопать червей и попробовать положить их рядом с гнездом. Может, примут птицы еду из рук человека? Мама-скворчиха сначала испугалась мальчика, заволновалась. Петя сразу же слез с лестницы, оставив на крыше червей. Через некоторое время скворчата перестали кричать. И хозяева дома поняли, что

нужно скворцам помогать, потому что, скорее всего, скворец уже не вернётся. Людям легко было понять осиротевших птиц, ведь их отец тоже на войне и не на кого им рассчитывать: у каждой семьи в деревне свои беды. А без поддержки маленьким скворцам не выжить – так решили люди и начали помогать пернатым.

К маю, когда стало совсем тепло, хозяева дома решили, что пришла пора заниматься огородом. И садом – тоже. До войны отец посадил несколько яблонь. Он их очень любил, ухаживал за молодыми деревцами. Вместе радовались первому урожаю. И пусть яблок было пока совсем мало! Зато все дивились тому, какие румяные и вкусные яблочки! Но с уходом отца на войну яблони перестали цвести и давать плоды. Завелись на них разные вредители – не выведешь. Как ни пытались хозяева помочь деревьям, ничего не получалось. И вот однажды тёплым утром люди увидели, что мама-скворчиха и только что начавшие летать маленькие шустрые пташки суетятся в саду, около яблонь. Птицы решили помочь людям и уничтожить разных жучков-паучков, которые не давали развиваться деревцам. Семейство скворцов трудилось в саду целый день, а к вечеру трудолюбивые птицы освободили яблони от противных вредителей.

И яблоньки будто ожили, вновь зацвели, как прежде! Нежно пахнувшие бело-розовые цветы покрывали ветви деревьев! Какая это была радость! И вновь в душах людей поселилась робкая надежда. Поверили, что отец жив. Так завязалась настоящая дружба между людьми и птицами!

А вскоре пришло долгожданное письмо с фронта! Оно перечитывалось много раз. Самое главное – отец жив! Все семьёй писали письмо на фронт. Дойдёт или нет – не важно! Рассказали и про скворцов. Написали, что подружились с птицами и помогают им! А ещё написали, что очень ждут, верят, что папка обязательно вернётся...

...Через год семья вместе с вернувшимися домой птицами встретила отца. И стали они все вместе жить дружнее прежнего! Хозяин, конечно, смастерил скворечник для новых птенчиков! Крепкий, уютный. Птицы быстро в нём обжились и каждое утро радовали хозяев заливистыми песнями. Так вот люди и скворцы вместе радовались наступлению мирной, счастливой жизни!

СОБЫТИЯ. ДАТЫ

29 декабря 2022 года были подведены итоги традиционного конкурса «Одно стихотворение года – 2023». В нём приняли участие 62 автора. Жюри в составе председателя Пензенского отделения СП РФ Д. Н. Жаткина и членов СП РФ Лидии Терёхиной (Л. И. Дорошиной), В. В. Филонова, С. В. Попеевой, Н. А. Шеменковой и А. С. Коржавиной определило победителей.

1 место с 28 баллами поделили: Мария Перфилова, г. Пенза, Тамара Городнова, г. Пенза, литературный клуб «Я сень», Лариса Бонцевич, г. Пенза.

2-е место с 27 баллами заняли: Любовь Федянина, г. Пенза, литературный клуб «Я сень», Валентина Танцыврева, п. Заметчино Пензенской обл., Татьяна Рузаева, г. Пенза, литературный клуб «Я сень».

3-е место с 26 баллами досталось Тамаре Химатова, г. Никольск Пензенской обл., Александру Зверовщикову, г. Пенза, литературный клуб «Я сень», Наталье Мошинской, г. Заречный Пензенской обл.

Диплом «особая оценка жюри» получит Сергей Филин, набравший 25 баллов, г. Пенза, литературный клуб «Я сень».

Наградой также получивших по 25 баллов Виктора Гвоздева, г. Заречный Пензенской обл., Антона Хрулёва, г. Пенза, и Ольги Корчагиной, г. Пенза, литературный клуб «Я сень», станет публикация авторской подборки в журнале «Четверговая соль».

ВСПОМНИМ

Александра Сергеевича Пушкина – 29 января.
Александра Сергеевича Грибоедова – 30 января.
Николая Степановича Лескова – 21 февраля.

ПОЗДРАВЛЯЕМ с днём рождения:

Всех – с Новым 2023 годом – 1 и 14 января.
Алексея Алексеевича Питикова – 5 января.
Сергея Алексеевича Филина – 18 января
Нину Александровну Шеменкову – 1 февраля
Наталью Вячеславовну Каресли – 3 февраля.
Людмилу Павловну Захарову – 26 февраля.

